„Литературная газета" №44 (751) 10 авг. 1938 г.

КОНСТАНТИН СЕРГЕЕВИЧ СТАНИСЛАВСКИЙ

Прощание

8 августа, в 15 час. 30 мин., гроб с телом К. С. Станиславского был помещен в зрительном зале Московского Художественного театра. Громадные бархатные полотнища — алые и черные — скрывают сцену.

У гроба на двух подушечках лежат два ордена.

В первый почетный караул становятся друзья Константина Сергеевича, народные артисты СССР И. М. Москвин и В. И. Качалов.

Сотни людей в проезде Художественного театра. В скорбном молчании, в течение десяти часов, проходят они нескончаемой цепью мимо гроба. К двум часам ночи, к моменту закрытия доступа в театр, людской поток еще достигал Пушкинской площади.

С утра 9 августа, задолго до того, как открылись двери театра, сотни людей вновь пришли к проезду Художественного театра в последний раз увидеть лицо любимого артиста.

В 15 ч. 30 м. крупнейшие артисты нашей страны вынесли из здания МХАТ гроб с телом К. С. Станиславского. Зазвучала музыка похоронных мелодий. Огромная, многотысячная процессия двинулась по улицам Москвы к Ново-Девичьему кладбищу.

В 17 ч. 30 м. тов. М. Храпченко от имени Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР открывает траурное собрание.

От имени правительства Союза ССР выступает председатель Совнаркома РСФСР тов. Н. А. Булганин.

Речь тов. Н. А. Булганина

Товарищи, мы собрались здесь, чтобы в последний раз проститься с Константином Сергеевичем Станиславским.

Работники искусств, общественные организации, ученые, представители трудящихся и Красной Армии пришли сюда отдать последний долг крупнейшему деятелю советского театра, выдающемуся мастеру искусства.

От имени Правительства Союза, я выражаю глубокое соболезнование в связи с понесенной утратой семье Константина Сергеевича и всем работникам искусства.

Константин Сергеевич Станиславский принадлежал не только работникам искусств. Вся его творческая деятельность была связана со всем народом.

Об этом наглядно свидетельствует тот факт, что тяжелое известие о смерти Константина Сергеевича нашло глубокий и сердечный отклик в самых широких слоях трудящегося населения.

Станиславского Константина Сергеевича знали и любили не только актеры, для которых он был подлинным учителем и примером.

Его знали миллионы советских людей, любящих Художественный театр, театр имени Станиславского и ежедневно заполняющих как эти, так и сотни других театров нашей страны.

Такой популярности Константин Сергеевич Станиславский достиг в результате искреннего служения народу, в результате полувековой борьбы за искусство правдивое и передовое, за театр, идущий в ногу с жизнью, за театр подлинно советский, подлинно реалистический.

В своих стремлениях к правдивому реалистическому искусству Константин Сергеевич Станиславский шел вместе с передовыми людьми своего времени.

50 лет назад Константин Сергеевич создал в Москве «Общество искусства и литературы», поставившее своей задачей устройство высокохудожественных спектаклей.

Через 10 лет он вместе с другими деятелями русского театра создал свое любимое детище — Московский Художественный Театр. Создание этого театра имело огромное влияние на развитие русского и мирового искусства.

Первые годы работы Станиславского в созданном им театре ознаменованы встречей его с великим писателем Алексеем Максимовичем **Горьким**, именем которого в данное время и называется Художественный Театр.

Их об'единяло желание служить человеку, который, по словам Горького, «Самое красивое и чудесное явление на нашей планете».

Константин Сергеевич Станиславский вместе с Горьким и другими деятелями театра подняли общественное лицо Художественного Театра и помогли театру уже в то время стать рупором передовой русской интеллигенции.

Октябрьская социалистическая революция открыла перед Константином Сергеевичем Станиславским, как и перед всеми лучшими представителями нашей интеллигенции, новые возможности к расцвету художественного творчества.

Революция поставила перед ним задачу служения народу во всем об'еме.

Станиславский нашел свое место в рядах общества, борющегося за социализм, он развернул свой яркий талант, он отдал свою кипучую энергию и силы созданию театра в советских условиях.

Константин Сергеевич Станиславский много сил отдавал воспитанию и обучению молодежи. Его постоянно окружала молодежь, внимательно прислушиваясь к его словам, черпая знания из его богатейшего опыта. И он отдавал молодежи все лучшее, что у него было. В этом еще одна черта Станиславского — гражданина нашей родины.

Он не замыкался от людей, не уходил в себя. Каждую свою мысль и теоретическую находку он проверял на деле и претворял в дело.

Он страстно думал о будущем советского театра, он готовил для него кадры новых талантливых мастеров театра, он работал, не покладая рук, до последнего дня своей жизни.

Советское Правительство по достоинству оценило Константина Сергеевича Станиславского. Он заслуженно носил звание народного артиста Союза ССР, заслуженно носил орден Ленина и орден Трудового Красного Знамени, которыми он награжден был Правительством Союза.

Товарищи! Идеи Станиславского в искусстве были передовыми идеями искусства, тесно связанными с жизнью и запросами народа.

Он был неутомим в творческих исканиях, он был предан своему делу, своему народу, он был патриот своей родины.

Работники искусств должны учиться этим качествам у Станиславского. Эти качества помогут им выполнить задачи, поставленные Партией и Правительством перед искусством, которое должно воспитывать наш народ в духе ненависти к врагам нашей родины, которое должно звать граждан нашей страны на дальнейшую борьбу за великие идеи большевистской партии, за великое дело коммунизма.

* * *

От имени Всесоюзного комитета по делам искусств при Совнаркоме СССР выступает т. М. Б. Храпченко. От имени Московского Художественного театра выступил народный артист Союза ССР тов. В. И. Немирович-Данченко. Он говорил о гигантском масштабе Станиславского как человека и артиста, о его «одержимости» театром, умении раствориться в искусстве, его неутомимой жажде совершенства.

— Поклянемся же здесь у гроба, у свежей могилы, что мы продолжим дело, начатое Константином Сергеевичем, дело борьбы за реалистическое, правдивое и искреннее искусство на благо нашей советской родины, советского народа!

И точно эхо откликнулись колонны артистов МХАТ и студии Станиславского:

— Клянемся!

От имени коллектива МХАТ выступает народный артист Союза ССР В. И. Качалов.

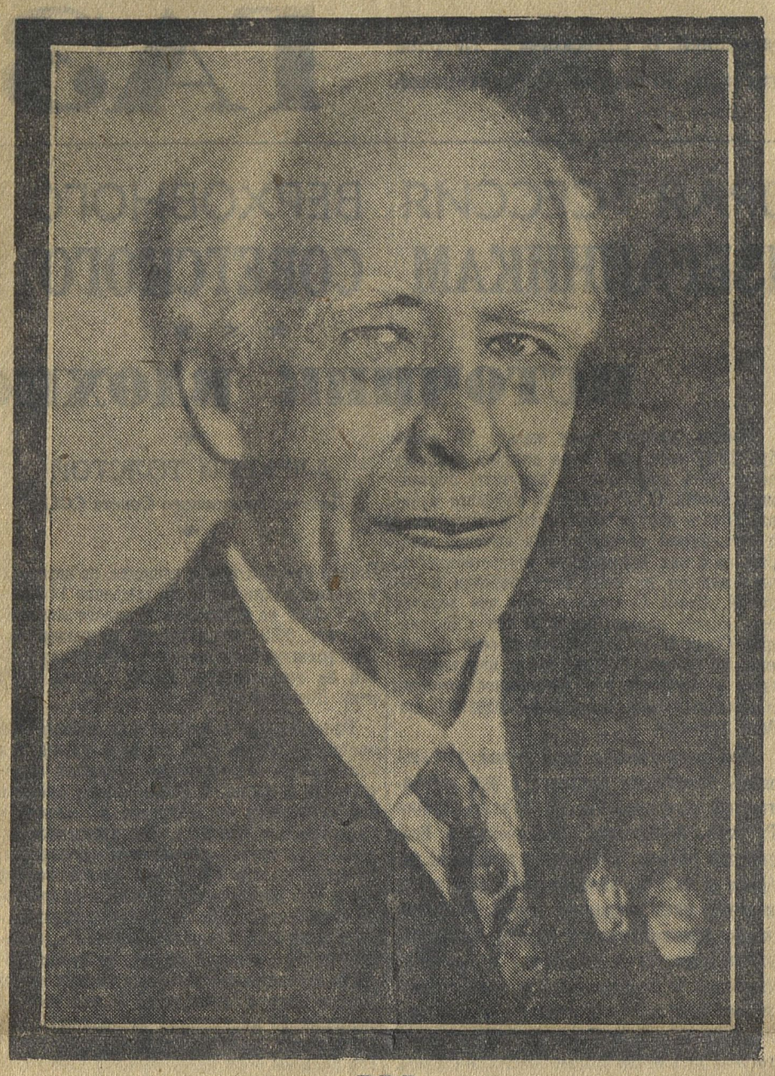
— Какие слова надо произнести у гроба самого близкого, самого дорогого нам человека? — спрашивает он. Можно и должно сказать только теми словами, которые были отрадны, дороги и близки живому Константину Сергеевичу.

Такими словами Качалов считает слова приветствия, присланного в 1933 году М. Горьким к 70-летнему юбилею К. С. Станиславского. В. И. Качалов зачитывает это приветствие и заканчивает речь словами Пушкина: «Я памятник себе воздвиг нерукотворный...», которые по праву мог бы сказать о себе и К. С. Станиславский.

От имени рабочих Московского тормозного завода выступает т. Мальков, от имени студии им. Станиславского т. Рево.

В 18 ч. 30 м. закончилось траурное собрание. Склоняются знамена, траурные звуки оркестра заполняют кладбище, медленно опускается гроб.

На алом и черном бархате, укрывшем стену у могилы великого артиста, реет серебристая чайка.



Осиротело искусство мира

Умер великий артист. Грандиозна была жизнь этого человека, — жизнь, рыцарски посвященная искусству, может быть, как ни одна жизнь на свете. Имя Станиславского, высокое, прекрасное, седое, как он сам, занимает эпоху. Это не только история театра, это гораздо больше: это история общества, потому что театр, созданный Станиславским, был действительно отражением истории русского общества огромного периода времени. Так широка область, над которой возвышается эта фигура, что память мечется, не зная, на чем остановиться. На первых же победах Художественного театра, на создании ли «системы» или на том обстоятельстве, что театр, созданный им, вошел в новую культуру и стал сокровищницей для нового человека.

Я не видел Станиславского на сцене; до меня дошли легенды о том, какой это был актер. Но я читал потрясающие страницы, в которых он описывает свою работу над ролью Сальери. Этих страниц достаточно, чтобы понять, что такое отношение мастера к своему мастерству и что такое истинная одержимость искусством. Книга «Моя жизнь в искусстве» — благоуханна! Она написана с той чистотой и благоговением к своему призванию, которые отличают великих живописцев Возрождения. Открытия, изложенные в этой книге, повлияли не только на актерское искусство, это открытия для всех видов творчества. Станиславский первый открыл законы «зерна», правды образа, т. е. того, что дает основу всякому искусству. «Система» Станиславского—поистине гениальное проникновение в законы воображения, в тайну вымысла, который казался бы убедительным. В этом отношении Станиславский оказался действительно магом, оживляющим кукол. С чем сравнить эту деятельность художника, изобретающего науку? Она поразительна и неповторима.

Стали обиходом отдельные положения системы Станиславского, и тот, кто в той или иной области создает образы, сколько раз сознается сам перед собой, что работает по этой системе. Для искусства драмы роль системы Станиславского громадна.

Эта жизнь началась очень давно. В описании своего детства Станиславский говорит, что оно протекало еще во времена лулей через платок. Она никогда не затихала, эта жизнь; он никогда, никогда не старел и не уставал, этот человек. Разве возможна была бы фраза о том, что где-то живет «старый Станиславский». Никому в голову не приходила мысль, что Станиславский может приобщиться той старости, которую только почитают, но о которой редко вспоминают. Существование старого Станиславского в искусстве было необыкновенно свежим, злободневным, да и просто властительным. Один из великих стариков мира! Самое понятие старости как-то не вязалось с обликом артиста. Весь в искусстве, он и обликом своим походил на создание чьего-то мощного воображения: высокий, в черном, со своей прославленной сединой, элегантный и, как все великие артисты, прекрасно-неповторимый, он был кумиром всех актеров. Ему действительно поклонялись, с радостью шли на то, чтобы трепетать перед ним, и с нежностью на то, чтобы сказать о нем шутку. Не мало у нас есть вещей, которым завидует мир. Мир, несомненно, завидовал нам также и тогда, когда думал, что Станиславский принадлежит нам, что этот гениальный человек — русский и что он строит социалистическую культуру.

Осиротело искусство мира. Если каждый крупный художник создает свою школу и своих подражателей, то весь русский великий театр есть школа Станиславского, а слово «подражатель» исчезает, потому что каждый режиссер, исключительный и самостоятельный, так или иначе повторяет Станиславского. Если главное в артисте чистота и служение своему призванию, то пример Станиславского это и есть фигура человека, двигающего культуру.

— Красавец-человек.

Утрата незаменима, но значение Станиславского так могущественно, что в свете этой силы как-то исчезает обыкновенное представление о том, что с концом человеческой жизни что-то действительно кончается. Вероятно, современникам так же трудно было представить себе, что умер Гете.

Ю. ОЛЕША

Красавец-человек

Горький нежно любил Станиславского. Он писал ему: «Вы, дорогой Константин Сергеевич, удивительно много сделали и еще не мало сделаете в своей области для счастья нашего народа, для роста его духовной красоты и силы. Почтительно кланяюсь вам, красавец-человек, великий артист и могучий работник, воспитатель артистов».

Как хорошо это сказано. Большеголовый, высокий, с прекрасной сединой, с лицом, освещенным ласковой и мудрой улыбкой, с чуть-чуть посмеивающимся взглядом из-под густых нависших бровей. Красавец-человек!

Потребуется еще не мало времени, чтобы понять мастерство Станиславского во всем его величии. Мы, современники, слишком связаны с ним и слишком многое взяли у него. Наш театр не был бы тем, чем он является, если бы не открытия и дерзания Станиславского.

Человек наибольшей широты и гармонии духа, какая только была достижима в условиях старой культуры, Станиславский был в одинаковой мере и художником и мыслителем. Склонный к самонаблюдению, к осознанию законов творчества, он прекрасно понимал, что созерцание вне продуктивной деятельности бесплодно. Он чувствовал живейшую потребность в том, чтобы свои жизненные впечатления претворять в художественном творчестве. «Самое верное — это превращать в дело все то, что есть в нас и у нас». Он часто повторял эти слова Гете и всегда им следовал.

Станиславский пришел в театр в конце прошлого столетия. Когда Станиславский создавал свои первые спектакли, русская либеральная интеллигенция стремилась уйти из мира действительного в мир вымысла и потустороннего.

Станиславский не пошел по течению. Он отыскал смысл своего искусства в этическом и эстетическом протесте против действительности. Он требовал, чтобы театр делал зрителя благороднее, душевнее, человечнее, чтобы он поднял зрителя над бытом, над тем скверным бытом, который так остро ненавидел Чехов. И для этого Станиславский искал новые формы театрального зрелища. МХАТ ставил пьесы любых жанров: исторические, фантастические, психологические, и все это подчинял великой цели — воспитания человеческой личности, ее всестороннего развития и совершенствования.

Если кратко определить значение реформы Станиславского в сценическом искусстве, то можно сказать, что он **очеловечил театр**. Человек всегда был в центре его размышлений и творчества. «Правда искусства должна служить правде жизни», — эти слова Щепкина стали главной идеей, знаменем его борьбы. Вернуть театру истинную правду чувств, показать жизнь, не скопированную, а преображенную фантазией художника, показать человека во весь рост, во всей сложности его переживаний — к этому всегда звал и стремился Станиславский. В этом интересе и любви к человеку, к истине он продолжал лучшие традиции передовых русских художников, традиции преданности народу, ненависти к насилию, моральной неподкупности и прямоты.

Недавно американский журнал «Новый театр» в статье о Станиславском назвал его настоящим «гражданином вселенной», в то же время признавая, что он «русский талант», истинный соотечественник Толстого и Чехова.

Больше чем полвека прожил Станиславский на сцене. Он поставил около 50 спектаклей и сыграл почти 30 ролей. Но величие Станиславского не в том, что он был превосходным актером, режиссером-новатором, теоретиком сцены, а именно в многообразии его таланта, в широте его деятельности, в универсальности, которая позволяет поставить его в ряд с прославленными деятелями мировой культуры.

Гегель в «Эстетике» задает вопрос: в чем состоит секрет художественного вдохновения? и отвечает: «... Находящийся в состоянии вдохновения весь поглощен предметом, всецело уходит в него и не успокаивается, пока он не найдет вполне соответствующую художественную форму». Станиславский в своей книге «Моя жизнь в искусстве» писал примерно то же: «Творчество есть прежде всего полная сосредоточенность всей духовной и физической природы... Оно захватывает и тело, и мысль, и ум, и волю, и чувства, и память, и воображение».

Станиславский не только формулировал законы творчества, он в каждодневном своем опыте показывал пример великолепного сосредоточенного труда в искусстве. Это был артист, свободный от профессиональной узости, человек всеоб'емлющих интересов и сосредоточенной воли. Он любил жизнь, искусство, молодость. Он учил радости творчества, и мы любили его большой сыновней любовью. Как трудно примириться с мыслью, что смерть коснулась этого прекрасного лица...

НАРОДНОЕ ИМЯ

Смерть Станиславского — страшная потеря для всего нашего искусства, не только для театра. Его талант был разносторонне ярок: актер, режиссер, теоретик театра, великолепный художник слова. Все вмещалось в нем с удивительной силой и оригинальностью. Он мог бы быть только актером — и за одно сценическое мастерство его имя навсегда осталось бы в истории русского театра. Он мог бы быть только театральным режиссером — и в истории мировой сцены остался бы вождем громадной эпохи. Он мог бы оставить нам свои книги и, не сыграв ни одной роли, не поставив ни одного спектакля, навсегда остаться в памяти как изумительный толкователь актерского мастерства, как великолепный мемуарист-психолог.

Это был человек удивительной личной обаятельности и чистоты. Его строгость к себе и окружающим — черты, сближавшие его образ, несмотря на многие различия, с образом М. Горького.

Это был человек, в праве которого судить беспощадно никто не сомневался, и оттого его любили и к нему прислушивались не только деятели театра, но и люди, работавшие во всех областях искусства.

Он принес нашей революции сложный опыт большой борьбы за реалистический театр, он пошел вместе с революцией, и то, за что он раньше боролся в театре, окруженный немногими единомышленниками, стало делом всего советского народа, строившего великое искусство социализма.

Социалистическая революция сделала имя Станиславского народным именем.

П. ПАВЛЕНКО

ЖИЗНЬ В ИСКУССТВЕ

Станиславский!.. Имя, которое взволновало еще в детстве, с которым уже не расстаться, раз услышав шелест раздернувшегося занавеса, увидев свет софитов и отблески рампы. Имя, с которым росли, учились и выходили на сцену целые театральные поколения. Это имя непременно присутствовало, входило в любое наше размышление об эпохе, об искусстве, о мировой славе русского театра, Художественный театр, Станиславский. Огромные, неразрывные понятия в сознании каждого, которому дорога слава и культура родины.

Могучий актер, создатель великой всемирной театральной школы, ыцарь глубочайшей правды искусства, знаменосец новой эпохи театра, им самим утвержденной, великий мыслитель сцены. Это была подлинно жизнь в искусстве!

Страстная требовательность, глубочайшая взыскательность, титанический темперамент, отвергающий всякие пополнения старости, мудрое жизнелюбие, непреоборимая настойчивость поиска, высокое целомудрие мысли и дела. Это был гигант.

Больной, он жил последние годы окруженный почтительной легендой, жил в беспокойной и родной ему Москве. Он не был затворником, анахоретом. К нему паломничала молодая театральная Москва, в его квартиру вторгалась сама жизнь — шумная, ищущая, изо всех углов великой страны ехали сюда учиться и навсегда запоминали каждую минуту свидания с ним.

Имя это само по себе возвышалось уже как памятник, поставленный при жизни. Столько уважения, любви, преклонения вкладывала страна в чудесное понятие «Станиславский».

Слава его стала примером славы истинно народного артиста. Имя его стало частью народного представления о театре. Оно давно уже перешло с театральных афиш в сознание миллионов, в быт города, улицы... «Имени Станиславского»... «Улица Станиславского»...

Высшим мерилом творческого успеха считалась его скупая похвала. Неосязаемым образцом мудрости и мастерства было его искусство, его высказывания. «Сам Станиславский так играл»... «Сам Станиславский сказал»...

Теперь сам Станиславский умер...

Но еще великий Щепкин говорил когда-то, что искусство актера, как будто умирающее вместе с артистом, может остаться жить лишь в опыте, переданном молодежи.

Жить в ярчайших образах, которые, созданные раз, будут снова повторены еще и еще раз в чудесных спектаклях, жить и жить в мастерстве, чистом голосе и энтузиазме молодежи, несущей опыт, толкования и мудрость мастера — разве это не прекрасная форма бессмертия?

ЛЕВ КАССИЛЬ

ЕГО ЖИЗНЬ

Настал этот страшный день, когда о Константине Сергеевиче Станиславском люди начнут говорить: он был.

Можно ли согласиться с тем, что в доме на улице Станиславского нет Константина Сергеевича?

Нет, это просто немыслимо. С этим сегодня не согласен никто. Ведь миллионы знали, что в высоком доме живет высокий человек с высокой душой, человек великого таланта. Не все его видели, но все знали, что он живет, что он думает обо всех актерах, о всех заботится, чтобы все работали верно в театре, — кто терял дорогу, знал, что Константин Сергеевич поможет, не позволит долго блуждать.

Константин Сергеевич Станиславский был штурманом дальних плаваний, и, если искусство сравнить с морем, — он знал, в какой стороне обетованные земли правды. Константин Сергеевич постиг законы творчества, стремился к правде, ненавидел ложь и в жизни и на сцене. Его жизнь — это сражение с рутиной, он бился беспощадно с ложью на сцене. Дни его жизни — дни блестящих побед. И даже поражения, какие Константин Сергеевич терпел, нельзя назвать поражениями. Он изучал причины поражений и креп для новых битв.

Он умер.

Он оставил в душе каждого неизгладимые воспоминания — воспоминания о своей жизни как человека, Константина Сергеевича, и как художника-титана, художника-борца.

Вспоминая о Константине Сергеевиче, многие будут плакать — и горько будут плакать. Он помог кому-то просто как человек, кого-то взял за руку, чью-то голову прижал к своему плечу и шепнул слова ободрения, кого-то побранил в нужную минуту. Он любил молодых начинающих актеров. Константин Сергеевич не ограничивал ничем талантливого человека. К. С. любил красивых, но в класс талантливых мог попасть замухрышка, бедняк, разночинец. Там ждал его учитель — нежный, как никто, и очень строгий. Там ждал его учитель — великий художник. Но этот великий художник уважал своих учеников, он бережно прислушивался к их советам. Этому можно не поверить, но это так: великий человек этот слушал советы совсем еще неоперившихся актеров. Все, кто видел Станиславского, знают, что это так. Он забывал громадную дистанцию между собой, могущественнейшим художником, и только начинающим актером, сдвигал свои густые, сначала черные, а потом седые брови, глаза его смотрели пытливо и по-детски. Он слушал критику на самого себя.

Так учились у него уважению к человеку — на деле. Вот почему будут плакать о нем люди и в старость свою внесут воспоминания о Константине Сергеевиче. Эти воспоминания не могут покрыться пылью времени. Слишком врезаны они в сердце, в самую его глубину.

Станиславского мы будем помнить всю свою жизнь. Что значит помнить Станиславского? Это значит делаться лучше как художник и как человек. Это значит расстаться с самоуспокоенностью, ввести в свою жизнь вечное беспокойство, искать, падать и вставать и, несмотря на ушибы, падения, итти дальше по новым дорогам, но — изучить хорошо старые дороги.

Это значит в миллионной мере (а нас миллионы по сравнению со Станиславским) взять на свою жизнь полнейшую нагрузку всех обязанностей актера, гражданина и человека и итти на поиски лучшего в искусстве и в самом себе. Итти весело, так, как весело было на его занятиях, хотя мы и трепетали от волнения и страха, идя на репетиции.

Вспоминать Станиславского значит уважать зрителей, уважать себя как художника, найти в себе верное и бескорыстное отношение к молодежи.

Вспоминать Станиславского значит жить, а жить, по его мнению, значит трудиться и совершенствовать любимое дело.

Теперь Константин Сергеевич лежит безлыханный...

«Чувствуйте сильно, а в выражениях чувств не нажимайте»,—говорил нам Константин Сергеевич.

Не смею ослушаться приказов учителя и командира: за всех, а также от себя говорю ему одно только слово: спасибо.

СЕРАФИМА БИРМАН